

«Сейчас я первый мастер на свете»

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Им восхищались современники, называя «артистом линии», «очаровательным талантом» (Н. Пунин), сказавшим «суть России» (А. Бенуа), находя проточество в его портретах (Горького и других).

Только в России, щедрой на таланты, можно было забыть на долгое время такого замечательного художника, — писал в начале 90-х журнал «Наше настоящее». — Художник мировой славы, выставленный в лучших галереях Праги, Парижа, Нью-Йорка и других городов Старого и Нового Света, у нас малоизвестен и плохо изучен». О ком все это?

О художнике Борисе Григорьеве.

Дом № 47/49 на Волжской набережной в Рыбинске видит каждый, кто отплывает или прибывает по воде. У самого спуска к причалу стоит двухэтажный особняк с надписью «Банк», выложенной над дверью выпуклыми буквами. Менялись хозяева, но не функции: сейчас тут филиал Сбербанка. В конце же XIX века на первом этаже было отделение Волжско-Камского коммерческого банка, а наверху квартира управляющего Д. В. Григорьева. Из ее окон открывался вид на Волгу, на лесистый левый берег и пристани внизу, числом не менее десятка. Жизнь кипела и снаружи, и в доме: резвились дети, по вечерам сходились гости, звенела музыка...

РОДОСЛОВНАЯ

Дмитрий Васильевич Григорьев происходил из семьи ремесленника, но своим умом и трудолюбием поднялся от посыльного до крупного финансового деятеля. В мае 1888 года московский бухгалтер поступил в должность управляющего рыбинским отделением упомянутого банка и переехал с семьей на жительство в Рыбинск. Будущему художнику немного не оставалось до двух лет.

Его мать, Клара Ивановна (Иоганновна), родилась на борту океанского корабля (отсюда слова сына: «Мама — урожденная американка»), капитаном которого был ее отец, Иоганн фон Линденберг, швед родом из Риги. Потом он служил русским консулом в Сан-Франциско, вице-губернатором Аляски.

После смерти отца семья отправилась в Европу. Попали в кораблекрушение, чудом спаслись, но лишились имущества. Мать, окончившая Лозаннский университет, пришлось стать гувернанткой в богатой питерской семье. Однажды, когда она гуляла в Летнем саду со своими воспитанницами, ее увидел обаятельный 50-летний финансист. Дмитрий Васильевич влюбился в девушку и решил покорить ее. После развода с первой женой они обвенчались. Первенца тоже назвали Дмитрием, а второго сына окрестили в церкви Харитона исповедника Борисом.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

Двенадцать комнат рыбинской квартиры украшали фарфор, статуэтки и живопись, была библиотека — 20 тысяч томов на четырех языках. Все в семье играли на музыкальных инструментах. Аборировали ложу в опере, ездили в столичные театры. А на домашней сцене братья сами ставили Гоголя, Островского, Шиллера и пьески Митино сочинения.

В распорядке детей — трех сыновей и двух дочек — были шлюпка, пара лошадей и голубятня. Отец давал маме достаточно средств на содержание дома и семьи. В остальном каждый из них вел своей отдельной жизнью. Этим и объясняется та странно беспечная, беспорядочная обстановка, в которой мы росли», — вспоминал младший, Николай.

Оба старших брата, несмотря на разницу в годах, в 1894 году пошли в гимназию. Вот свидетельство, полученное Борисом (брату выдали такое же): «Получательное сего, бывший ученик 1-го класса Рыбинской мужской гимназии Борис Дмитриевич Григорьев, родился в Москве 11 июля 1886 года, по происхождению мещанского звания, вероисповедание православное, до поступления обучался дома. Поступил в августе 1894 года в приготовительный класс по экзамену и обучался в значительном учебном заведении, оставаясь по 2 года в приговорительном по малолетству и в 1-м классе по малоуспеваемости. ...Обучался по 27 августа 1898 года и выбыл из нее вследствие протеста отца для определения в Московскую практическую академию коммерческих наук». Далее следует табель успеваемости: четверка по чистописанию, по остальным семи предметам тройки,

включая рисование, и — «определением педсовета от 29 мая 1898 года переведен во 2-й класс».

ОТ «АКАДЕМИИ» ДО АКАДЕМИИ

Эту «академию» прошли все три брата, но Борис покинул ее в 3-м классе, чтобы поступить в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Сдал экзамен, но мать заставила покинуть скопище «длинноволосых мужиковатых художников». Тем не менее в 1903 году он поступил в Строгановское художественно-промышленное училище. Ему особенно запомнились уроки Дмитрия Анфимовича Щербиновского, вплоть до деталей: «Он поставил карандаш наверху бумаги, где началась шея, и повел линию, повел непрерывно до самой шиколотки. Потом он еще долго рисовал, но я уже не видел — со мной что-то произошло...»

На каникулы юноша обычно ехал в Рыбинск, путешествовал по Волге и Шексне. Рисовал карандашом, иногда акварелью пейзажи, интерьеры, жанровые сцены: волжские баржи и пароходы, село с церковью, мужики и бабы, выпивший парикмахер, «маман в элегическом настроении».

Предвыпускное лето Борис провел с матерью, братом и сестрой в Судаке, на побережье Крыма, писал морские и горные этюды. Там же пережил первый трагический удар: его девушка

дяди старик — соседствует с пришедшими из книг детьми в пестрых рубашках и кривой избушкой.

Назвав его творения «парадоксами в пространстве и на плоскости», тонкий эстет Николай Пунин (будущий муж Ахматовой) именовал автора «истинным мастером линий», который «пользуется их силой и их слабостью, сгибая или затушевывая, смотря по тому, что подсказывает ему инстинкт».

Итогом петербургского периода стал цикл «Рассея»: девять картин и 60 рисунков. Полиптих, созданный на сломе эпох, в 1917 году, по-своему отвечал на вопрос о пути России в новое время. Автор предстает творцом, мыслящим, по выражению Александра Блока. «глубоко и разрушительно». Персонажи картин «Олонецкий дед», «Старуха», «Девочка» зажаты пространством, как бы выталкивающим их к зрителю. В них передана «суть России в момент, непосредственно предшествовавший революционному перевороту». Сам художник пишет в предисловии к одноименному альбому: «Исполинский сгусток крови, перекачиваясь по земле, цивилизованной веками, оставляет нам, живым, только мертвые ухабы первобытности».

В ЕВРОПЕ И АМЕРИКЕ

После, чуть не десять лет спустя, в письме из уютного западного далека он волен говорить о некоем приятии. «Большевистская политика мне

Портрет Бориса Григорьева.

На картине Сергея Юдина «Вид Рыбинска» (1883 год) запечатлен участок набережной, где жил в юности Борис Григорьев.

В 1927 году великого русского художника приглашают профессором Академии художеств в Сантьяго. Но в Чили происходит переворот, и контракт аннулируют (правда, после очередного переворота приглашают вновь). А тогда он успел объехать всю Южную Америку, от Аргентины до Бразилии. По возвращении в Европу взялся за большое полотно «Лики мира» посвященное Лиге наций. Эту монументальную работу, экспонированную на выставке художника в Славянском институте, в 1932 году приобрело правительство Чехословакии.

НЕУГОМОННАЯ ДУША

Художник создал не только портретную галерею, сюжетные картины и бесчисленное множество рисунков. Он иллюстрировал А. Пушкина и Ф. Достоевского, В. Каменского и Сашу Черного, делал карикатуры для журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», оформлял кабаре «Привал комедиантов». Кроме того, сочинял стихи, написал роман «Юные лучи» и книгу мемуаров, выступал со статьями об искусстве.

Всякое новое впечатление, поездки и встречи что-то меняли в его манере, обогащали палитру. В рецензии на последнюю персональную выставку Бориса Григорьева в галерее Шарпантье (Париж, 1937) сказано: «К среднему возрасту человек обыкновенно успокаивается. Самые большие мастера не избежали этого пути. Самые буйные новаторы начинают повторяться, раз их искусство нравится. Григорьеву этот путь незнаком». По сей день появляясь на мировых аукционах, произведения художника оцениваются в десятки и сотни тысяч долларов.

До середины 20-х он еще говорил о возвращении, проигрывая эту мысль в цитированном выше письме Василию Каменскому. «А сколько бы я показал вам в России! Скольким бы научил! Сейчас я первый мастер на свете... Я не извиняюсь за эти фразы. Надо знать и самому, кто ты, иначе не будешь знать, что и делать. Да и жизнь моя, святая от труда сверх и чувства сверх, и 40 лет моих это доказывают, — как видно, прощаясь навек. — Кланяться Родине моей в самые ноги, и люблю ее, и ненавижу, и за это и кланяюсь».

Родина не ответила тогда на его поклон. В 1927 году художник купил землю в селении Кань-сюр-Мер близ Ниццы и построил дом, названный им виллой Борисэлла (Борис — Элла). Там в основном он жил последнее десятилетие, продолжая много работать, и умер 7 февраля 1939 года, незадолго до смерти закончив последний автопортрет.

...Мир его детства — свобода, раскованность, волжские дали и пароходы за окном, увлеченность всеми искусствами, родной дом, горд и сама Волга — остался в нем навсегда. «Я всю юность мою провел в Ярославской губернии и Волгу знаю», — писал Борис Дмитриевич Григорьев, великий мастер, почитавший наш край своей духовной родиной.

Борис КРЕЙН.

Рыбинск.